

Андрей ДМИТРИЕВ

Всё, что вблизи

Стихотворения

* * *

Колесил,
колесил –
исколесил,
всё, что вблизи,
покатил дальше –
через большак и пашни,
через орешник фисташковый,
мимо водонапорной башни –
символа дня вчерашнего,
мимо деревни, где простокваша,
и города, где опавшим
листьям смыслённые перwokлашки
уделяют внимание –
взяв процесс увядания,
как открытую данность,
и воплотив в гербарии
мысль о бессмертии – пока не украли
и эту иллюзию
педагоги школы и вуза,
начальники-моралисты,
держатели акций истины,
проворные толмачи,
рвачи казённой парчи.

Колесил,
колесил
до упадка сил –
увяз в грязи
среди топких низин.
В заводах – ходят язи,
в полях – колосятся озимые,
но на оси –
сломано колесо,
а из-за тёмных лесов
всходит луна –
холодней валуна,
хоть и ликом – апостол Лука.
Здесь – на отшибе –
кажутся сёла большими,
и сосны своими вершинами –
будто метут Млечный путь.
Доколесить как-нибудь,
доколесить как-нибудь
до кузнечика –
в травах замеченного –
до всхлипа
надломленной липы,
до трепетной птицы,
в которую переродится
весь этот гул,
до себя, что в пряном стогу
наблюдал звездопад
и клубящийся пар
в колдобинах хлипких дорог –
до всего, что догнать не мог...

* * *

Настасья Филипповна
топит печь

исключительно тысячами
рублей – сотнями тысяч,
миллионами –
а потом глядит,
как падают в обморок
в них влюблённые
персонажи длинных романов
и несёт им воды
в отогретых ладонях –
вот с этого места
и кончается водевиль,
да начинается месса,
в которой надрывная музыка
выдыхает робкое имя
в органную духоту...
Что написано кровью –
не переводится никакими
цифрами и словами,
брошенными налету
в прихожей
на язык репродукций,
где кровь остужают в ванне
перед тем, как дать окунуться
или запить десерт...
Так ведь, Рогожин?

Швыряет охапкой
Настасья Филипповна
деньги в огонь –
пляшет пламя
в дорогих нарядах
и это уже не липа –
это – как бы вскричала толпа –
о-го-го!
Репетиция ада
или просто – слаба,
на самом-то деле – слаба,
вот и хочется воя
в печной трубе –
так, чтоб слышало небо,
чтоб таял на стёклах лёд
и купленный ком несвободы
рассыпался на шум голубей
где-то под крышей –
отголоском высот.

Горит-горит ясно –
рычит да ёжится,
корчится, стонет.
Были тысячи – выпекла грош.
А в конце – лягушачья кожаца
пузырями пошла.
В доме стало натоплено,
но вскричала душа,
наскочив на садовый нож...

* * *

1-я Конная –
прошла волной –
смыла со стен иконы,
вспенила бабий вой
на днище ржавой беды,
слизнула с кровель росу,
мёртвого сына принесла к живому отцу,
а к живому сыну с кровавым клочком бороды –
отца убиенного. Из-под копыт –
летели в глаза Бажова
самоцветы – на всякий калибр.
У солдатушек-ребятушек жёны –
пушки, и вот, знать, чем заряжены,

так что можно бы было без рифм...

2-я Конная –
опустошила предел
между землёй – исконным
пастбищем – и небом, которому тел
небесных не вынянчить
без млека млечных путей.
Ворвались многие тысячи
сабель и копий ко всем, кто хотел,
чтоб обошлось,
чтоб солнце вернулось на круг –
теперь этот грубый шов
век поминает иглу.

3-я Конная –
накрыла всех с головой –
запеленала окна,
за которыми скорбной совой
ухает колокол чащи –
сплав хвои и бересты,
а то, что осыпалось в настоящем –
сметёт хвост болезной лисы
в ладонь запылённую.
Сидит на крыльце Орфей –
поёт про 4-ю Конную,
что – будто бы – всех сильнее...

* * *

Когда земля
стояла на трёх китах,
и словом «зима»
хотелось себя огибать
звонче и крепче –
росли в высоту города
на костях человеческих,
но так была молода
мать богов –
белила и пудрила щёки,
красила губы, с которых легко
слетала воздушным шёлком
небесная речь –
прозрачная на свету.
Всё лишнее решили отсечь –
по нынешний день секут...

Сидишь с чашкой кофе
в утренней простоте –
без мыслей о катастрофе,
без пламени на хвосте –
а в дальнем углу пространства,
где сбилась в остатке тень –
уже тридевятое царство
бросает себя на плетень.

Но тройка китов – эпична,
и булка земли – свежа,
пока не чиркнули спичкой,
крича «пожар!».

* * *

Жаба – пучит
глаза в омуте цифр.
Мы с тобой живучие –
могли б захиреть от цинги
или от чахлого света,
сквозь щель занавесок
втёкшего в глаз по руслу индейского лета,

но – улучив время и место –
остались в строю –
в строчке спорного текста,
в котором – ноздря в ноздю –
идут к финишу кони
апокалипсиса или просто –
оторвавшиеся от погони
жеребцы из разграбленного обоза.

Могли б кануть в чаше –
захлебнувшись клюквенным соком,
при разделе на «не наших» и «наших»
попасть под скорое
лезвие, согнуть в лестничной клетке,
как бумажные лебеди –
оригами, выйти калекками
из покоев железной леди
или бронзового вождя.
Но вытянули струну –
пальцами сжав
аккорд, собранный по куску
на треснутом грифе.
Так элины – видимо –
вылепляли из глины в мифах
каждый нюанс картины,
где в центре – огонь.
У оград снуют воробьи,
и хлебные крошки покидают ладонь
во имя пернатой любви.

Остались в прожилках,
вынесли быль и боль
случайными пассажирами,
успевшими сесть на борт
в чужом незнакомом городе
с улицами-метелицами,
несущими мимо барокко и готики
в сторону спальных районов из теста
ржаного с обилием грубой соли.
Сколько ещё лететь-плыть-ехать –
знает только играющий соло
флейтист в руинах расколотого ореха,
но отвечает лишь эхо –
неразличимое эхо,
невнятное эхо,
лишь эхо,
эхо...